

✦ Профессиональное кредо

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606_951X_2021_23_3_130_143

В.А. КУТЫРЕВ, Ю.М. РЕЗНИК

ЧЕЛОВЕК-PRO. ВЕРСИИ «РАСШИРЕННОГО» ЧЕЛОВЕКА: ЗА И ПРОТИВ

***Аннотация:** Современное общество превращается в систему технологий. Они распространяются на все сферы жизни людей и становятся способом их существования. Каким будет человек, перспективы, которые перед ним открываются, и как к ним относиться — вопросы, стоящие в центре внимания собеседников. Ю.М. Резник, не принимая радикальных идей трансгуманизма о слиянии с техникой, полагает, что человек будет меняться путем «мягкого» совершенствования своего тела через улучшение работы его органов и, используя новейшие технические достижения, расширять свое сознание. В.А. Кутырев, критикуя этот подход за опасную близость к трансгуманизму, выступает как антропоконсерватор, за сохранение субъектности человека*

в его коэволюции с техникой и традиционное социально-духовное развитие, которому нет предела. Позиции обоих участников беседы совпадают в неприятии техногенной манипуляции человеком и признании, что ради выживания человечеству необходимо руководствоваться экологическим мировоззрением.

***Abstract:** Modern society is turning into a system of technologies. They extend to all spheres of human life and become a way of their existence. What the person will be like, the prospects that open up before him and how to relate to them are the questions that are in the center of attention of the participants in the conversation. Yu.M. Reznik, not accepting the radical ideas of transhumanism about merging with technology, believes that a person will change by «soft» improving his body through improving the work of his organs and using the latest technical advances to expand his consciousness. V.A. Kutyrev, criticizing this approach for a dangerous closeness to trans-*

Кутырев Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород). E-mail: kut.va@mail.ru.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

shumanism, acts as an anthropoconservative, for the preservation of human subjectivity in his co-evolution with technology and for traditional social and spiritual development, which has no limit. The positions of both participants in the conversation coincide in their rejection of the technogenic manipulation of man and the recognition that for the sake of survival, mankind needs to be guided by an ecological worldview.

Ключевые слова: человек, феноменология человека, трансгуманизм, человек-PRO, «расширенный человек», Иное, сингулярность, экологический подход, антропоконсерватизм, коэволюция.

Keywords: Man, human phenomenology, transhumanism, human-PRO, "extended man", Other, singularity, ecological approach, anthropoconservatism, co-evolution.

Уважаемые коллеги! Данный диалог посвящен известному российскому философу Владимиру Александровичу Кутыреву — специалисту по философским проблемам познания, человека, техники и экологии. Именно его философские труды и публицистические работы послужили толчком к настоящей беседе.

Вместо предисловия

Резник Юрий Михайлович: Владимир Александрович! Недавно Вы выпустили новую книгу в соавторстве с коллегами [1]. Эпиграфом к ней взяты слова А. Эйнштейна: «Стало чудовищно очевидно, что наши технологии превзошли нашу человечность». Красиво, ничего не скажешь, если не видеть в этом угрозы для существования человека.

Что Вы скажете о своей книге? Она явилась итогом Ваших многолетних исследований? И почему Вы решили ее издать в соавторстве?

Кутырев Владимир Александрович: Юрий Михайлович, спасибо за желание обсудить интересные мне и Вам проблемы, надеюсь, мы будем делать это не как Чичиков с Маниловым, «позвольте Вам не позволить», а где надо спорить.

Начну с эпиграфа из Эйнштейна. Это высказывание не только красивое, а утверждающее, что неконтрольное развитие технологий несет угрозу людям. Я об этом все время пишу, и опереться на такой авторитет значимо. С того времени превосходство технологий над человечностью стало более чем чудовищным (не знаю даже как выразиться, чудовищность и так самое сильное слово в русском языке), цивилизация стремительно движется по пути создания Дивного Нового мира и преодоления не просто человечности, а человека как такового, «Смерть человека» стала брендом постмодерна как эпохи, подобных же предостерегающих голосов среди современных известных людей не слышно. Видимо, не понимают, или не хотят понимать.

Эйнштейн не только великий ученый, но и глубокий философ. Это уместно сказать и потому, что в мире «постистины», сиречь безответственной болтовни про что и кого угодно, стало модно дискредитировать любые авторитеты, при этом Эйнштейна объявляют чуть ли не обманщиком и авантюристом. Но оставим грешным душам возможность самовыражаться в Интернете...

На вопрос, все ли можно описать средствами науки, Эйнштейн ответил, не как обычно упорствуют: кто — да (наука всемогуща), кто — нет (останутся неподвластные ей сферы бытия). Он считал, что научно-математически можно выразить все сущее, но это не имеет смысла. Как если бы симфонию Бетховена изобразить графиком изменения давления воздуха и ходить любоваться им в филармонию. А где музыка? Это положение чудовищно (опять) актуально в связи с глобально без(д)умными воплями

о необходимости цифровизации всего и вся как главной задаче прогрессивного человечества.

Недавно слушал защиту диссертации «Цифровая культура и образование». Культура — институционализируемая духовность, единство красоты, добра, истины, способности знать, верить и любить. Вот вместо них будут какие-нибудь математические таблицы и основанные на них, создаваемые искусственным интеллектом конструкции чего-то постчеловеческого и чтобы обязательно исчисляемого. Лишив субъектности человека, ее опять найдут в сетях, уже толкуют о «цифровом субъекте», и все запутают, чтобы удовлетворить потребность в непонимании, в которой сейчас остро нуждается современная, идущая по пути саморазрушения цивилизация. Но Эйнштейнов, которые бы предупреждали о бессмысленности такого перевода всех жизненных форм бытия в математические, нет, рядовых философов типа меня мало кто (по)слушает.

Взять хотя бы нашу последнюю книжку: «Человечество и Технос». Там все это, по-моему, убедительно прописано. Перед нами роковое для современного человечества противоречие: либо мы, конвергируя, т.е. сливаясь с техникой, растворимся в ней, либо будем бороться за сохранение своей субъектности, т.е. коэволюционировать. Mainstream движется по пути конвергенции, пресловутый трансгуманизм манифестирует ее практическое осуществление.

Что касается вопроса об итоговой книге, то формально она у меня вышла годом раньше и называется «Сова Минервы вылетает в сумерки» (избранные философские тексты XXI в.). А в обсуждаемой книге новая проблематика, которую один бы я не осилил. Отсюда соавторство, чему очень рад. Рад, что среди молодых людей — а это аспиранты нашей кафедры — находятся единомышленники. Если есть у нас, значит, есть везде. Значит для человечества, антропологии и гуманизма еще не все потеряно.

Ю.М.: Многие из тех, кого можно условно назвать классическими гуманистами или консерваторами, критикуют трансгуманизм и прочие версии «усовершенствования» человека. Взять, к примеру, Вас, Владимир Александрович. В разговоре со мной Вы признались, что Вас называют основателем школы антропологического консерватизма. Полагаю, что вполне заслуженно. Каждый исследователь придумывает себе более или менее адекватное название своей концепции («научную легенду»). Вот Вы, предчувствуя, наверное, апокалипсис человечества, называете себя сторонником антропоконсерватизма и предлагаете жить в логике сопротивления технотронному воздействию или, как Вы его называете, — технобесию.

А что означает на практике быть атропоконсерватором? Каковы обязательства такого положения?

В.А.: На практике это называется: хочу остаться человеком. Хочу, чтобы на Земле жили люди. Вот какой я тупой и безнадежный консерватор, реакционер, скоро будут говорить — враг прогресса, экстремист, и это в то время, когда философствующие технократы наперебой предлагают сотворить из людей что-то другое, будто бы лучшее, плюс или «про», или вообще уйти в компьютер, жить там в виртуале в виде светового кокона, сгустка информации, или расстелиться по земле в качестве «информационной плесени». Плесень! И, следовательно, бессмертный человек — вот какие выверты могут делать будто бы еще люди.

Другой вариант: покинуть Землю, стать «лучистым человечеством» в пространстве космоса или осесть на других планетах. Прикидывают, как приспособить чело-

века для жизни на них. Но, как признают реально работающие в лабораториях над такой подготовкой человека экспериментаторы, даже для нахождения на Марсе надо, минимум, заранее убрать ему глаза и вырезать, скажем по-научному, — тестикулы, органы, которые прежде всего не выдержат радиации, даже если будут находиться в защитном костюме. И послать туда этого слепого кастрата как улучшенное земное существо.

Справедливости ради, среди трансгуманистов еще есть кто-то с остатками здравого смысла, считающие, что исследовать космос и планеты будут роботы. Тогда остается вопрос, зачем, для каких целей на Земле делать из людей неизвестно что, кентавров и киборгов, параллельно превращая ее в непригодную для жизни планету? В так называемый «Гигантский компьютер». Зачем провозглашают в Манифесте трансгуманизма как надежду, что «к 2100-му году человек разумный перестанет существовать, так как сам себя модифицирует с помощью искусственного интеллекта и биотехнологий»? Как должен к этому факту относиться любой, кто чувствует и считает себя человеком?

Принято огорчаться, что у человечества нет цели, к которой оно должно стремиться. Да неправда это. Есть! Оно деятельно занято своим вялотекущим самоубийством, хочет «перестать быть», заменив себя техникой, во всех сферах, даже в мышлении и сексе, т.е. уничтожиться. И название этому идеалу есть — состояние сингулярности, и даже даты его достижения назначены — 2045-й год, более осторожные — 2100-й. Сингулярность, к которой «прорываются», на нее «работают» и жаждут; существует университет сингулярности с филиалом в России, это научное наименование апокалипсиса, конца света, которого вроде бы бояться. «Университет конца света для блага человека». И все одновременно. То есть не видят очевидного нарастания процессов отказа от самих себя. И даже приветствуют его, мечтают о нем. *Перестать существовать — вот цель прогрессивного человечества* (а говорят, что у нас нет идеалов). Манифест! Лозунг и призывы все более влиятельного движения трансгуманизма. С этими уже переформатированными на уровне бессознательного (пока, к их глубокому огорчению, все еще людьми) разговаривать не о чем. Сколько можно. Им ничем нельзя помочь. Вопрос в том, что должны делать те, кто понимает, что происходит. Кто антропоконсерваторы?

Ю.М.: На Ваш взгляд, далеко не все отечественные философы осознают опасность технократического подхода к человеку. В новой книге Вы уделили внимание моей монографии «Феноменология человека: Бытие возможного» [3]. Приведу следующую формулировку: «Книга Ю.М. Резника оценивается как не совсем удачная попытка преодоления этого кризиса (речь идет о кризисе современной философской антропологии — Ю.Р.)... Наряду с множеством интересных подходов, в ней не учитывается, а иногда и просто нет понимания решающего влияния на человека результатов и перспектив современной технологической революции. Его “модель человека”, хотя и провозглашена с благими намерениями, по своей сути в превращенной форме воспроизводит тенденцию его превращения в киберорганическое существо и находится под влиянием трансгуманистической идеологии» [1, 13-14].

«Не совсем удачная попытка» — это мягко сказано, если Вы решились перейти в такую критическую атаку. Что же Вас так задело в книге? Интересно, где Вы увидели в ней трансгуманизм или хотя бы намек на него? Напротив, в конце книги, в приложении присутствует критика автором человеческой инженерии и технологий преобразования

человека. Об этом я пишу и в ряде научных статей. Почему же Вы все-таки решили соотнести меня с трансгуманистами? Может быть, Вам нужна была иллюстрация «загнивания» или «разложения» современной отечественной философской антропологии? Вот моя книга и попала Вам «под разбор».

В.А.: Что меня задело в книге и заставило перейти в атаку на нее? Ну, не такая уж и атака, скорее предостережения о последствиях некритического использования понятий, показ того, что Вы, «официально» не принимая трансгуманизм, фактически к нему идете по пути окон Овертона, либо через принятие скрытой трансформации понятий, либо беря терминологически разные, но сущностно одинаковые по смыслу слова. Вы против идей трансгуманистов о техническом улучшении человека в духе Human + , но проповедуете Человека-PRO. Даже если Вы скажете, что хотите раскрыть его дополнительные возможности, типа «расширение сознания», все равно это дорога туда же. Одно дело, что вы хотите сказать, другое — как ваши слова преломляются обстоятельствами.

То же самое с «проектированием». Человек рождается, живет и экзистует, а конструируется, проектируется и функционирует техника. Говоря вместо духовного развития человека об его проектировании, Вы переходите на чужую, с минными ловушками для него, территорию. Конструкционизм-проективизм и жизнь-экзистенциальность несовместимы не только непосредственно, но и по интенциям. Все начинается с малого сдвига в понятиях и замене терминов (см. опять Овертон). Но готовок увяз, всей птичке пропасть. Мне кажется, что проблема тут не только теоретическая. Судя по стилистике текстов, она обусловлена личностно. Вы, Юрий Михайлович, на мое восприятие, слишком доверчивый и добрый человек, в своей книге все время ищете компромисс, чтобы были и волки сыты, и овцы целы.

Доброжелательные возражения против не очень доброжелательной критики

Ю.М.: Владимир Александрович! Интерпретацию моей концепции, изложенной в книге «Феноменология человека», Вы даете со свойственным Вам ироническим пафосом. Вы посвящаете критическому анализу книги целую статью, которая ранее была опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество» с моего же собственного согласия [2]. По Вашему мнению, я, в отличие от М. Эпштейна, предпочитаю заниматься конструированием более совершенного мира и соответствующего ему человека. Начало многообещающее. К тому же Вы не учитываете, что моя позиция изменилась за эти годы и «симфония свободы», исполненная в монографии «Феноменология человека: бытие возможного» [3], дополнилась экологическим подходом [4; 5]. Лучше, конечно, спорить со мной с сегодняшних позиций. Но ведь Вы писали отзыв на книгу после того, как она вышла в свет.

Хотя в целом Ваша критика доброжелательна, но Вы говорите о моих «благих намерениях», которыми, как известно, вымощена дорога в ад, и о том, что в постмодернизме живого человека похоронили, а я по-прежнему не замечаю этого, продолжая восхвалять его «ради бытия». Хочу поправить Вас — не просто ради бытия, а ради жизни, ником развития которой выступает свободное творчество человека и его возвышение. Но все это так, к слову. Главное, что меня не покидает ощущение, что Вы подгоняете идеи моей книги под какой-то шаблон.

Да, по-видимому, я мог дать Вам повод для подобного вывода. Ведь в свое время я считал, что онтопроектирование — это новое слово в феноменологии человека и конструировании более совершенного мира. Но многое из того, о чем я писал, осталось в прошлом. Не хочу возвращаться к тому, что было. Конечно, кое-что я взял из книги с собой

в дорогу, а что-то навсегда осталось в прошлом. Но я ведь никогда не ставил на человеке крест и не плясал на его могиле, как Вы утверждаете, причисляя меня к числу нежных участников постмодернистского дискурса.

Я придерживаюсь сегодня логики экологического подхода и призываю к защите жизненного мира от технократического произвола. Вот и выходит, что мы с Вами работаем в одном направлении, хотя и говорим на разных языках. И, возможно, у нас гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд? Вы так не считаете?

В.А.: Да, то, что Вы опубликовали в целом положительную, но с едва прикрытыми стилистикой критическими выпадами рецензию на свою, очевидно выстраданную, книгу, будучи главным редактором журнала, подтверждает мою догадку о характере ее автора. Я полагал, что рецензия не пройдет или предложат много убрать. Все опубликовано так, как было написано. А то, что Вы самокритично признаете, что от многих ее идей уже отказались, перейдя от «онтопроектирования» к экологическому подходу, призываете к защите жизненного мира от технократического произвола, не может не вдохновлять, и у меня возникает маленькое тщеславное подозрение, что на эти позиции автора повлияла и моя рецензия. После такого поворота нам не о чем спорить и я могу только радоваться, единственно опасаясь, чтобы в обязательной теперь для всех погоне за новым, вы не изменили своему новому вектору развития.

Ю.М.: *Думаю, что проблемы саморазрушения человечества, о которых Вы пишете, Владимир Александрович, реально существуют. И, возможно, мне не хватило Вашей страстной убежденности в технократической угрозе бытию человека. Но предмет моего исследования был в другом, а именно в том, чтобы вернуть человека самому себе, бытию-для-себя, преодолеть отчуждение и побудить его заниматься самопроектированием, чтобы избежать контроля тоталитарных систем и институтов. А разве это не относится к критическому опыту осмысления онтологии современного человека?*

В.А.: Этот предмет исследования как задачу я не оспаривал, пафос моего критического отношения был только в том, что реально у автора получается, а не в том, что он задумал и декларирует. Вот ваша идея: господствовавшая до сих пор познавательная модель человека не обеспечила ему свободы, пора переходить к проективной онтологии на базе феноменологии и экзистенциализма. Хорошо, может быть, но феноменология-то у вас берется трансцендентальная (априорно-аподиктическая, исключающая по самому своему назначению любую экзистенцию), в лучшем случае допускающая ее как вещь-в-себе (у Канта), а у раннего (трансцендентального) Гуссерля в его «строгой науке», исключающая всякую, тем боле индивидуальную, телесность. «Вещи-в-сознании» Гуссерля – это гениальное предвидение информации (о вещах и вместо вещей) виртуального и искусственного мира, какая тут экзистенция и свобода человека как естественного телесно-духовного существа. Если бы вы говорили о феноменологии реалистической, апеллировали к Хайдеггеру или позднему Гуссерлю, тогда понятно, а так... В это противоречие, извините, я и бил.

Ю.М.: *Именно к Хайдеггеру я и апеллирую. Посмотрите текст книги, там подавляющее большинство ссылок дается именно на него. Да, судя по всему, искусственное для Вас, Владимир Александрович, смерти подобно. Оно «не бытийствует до всякой мысли как природа и все естественное, не рождается, как мы, несчастные, продолжаем консервативно это делать, несмотря на возникновение и начавшееся господство техногенного искусственного мира» [1, 171-172]. И все это Вы называете Иным. Но почему пос-*

леднее нужно обязательно отождествлять с чем-то искусственным? Только потому, что оно привнесено извне? Но ведь оно может идти и изнутри. Иное в человеке — это нераскрытое в нем, а вовсе не чуждое ему и искусственное.

Но есть в моей книге и то, что прямо противоречит Вашему подходу. «Конструкционизм и экзистенциальность, — пишете Вы, — несовместимы. Вот чем оборачивается гуманитарное проектирование на самом деле на фоне благих пожеланий о “свободе человеческой экзистенции” и в контексте рассуждений о преимуществах трансцендентально-феноменологической модели человека» [1, 172]. Далее Вы указываете на трансгуманизм, в который, на Ваш взгляд, неизбежно вырождается моя модель. И добавляете: сознание человека похищается силами Иного, оно больше не воспроизводит его жизненный мир, а становится орудием саморазвития технонауки. И дальше в таком же духе. А что если Иное и есть подлинное бытие или бурлящая жизнь, которое не укладывается в институциональные рамки устоявшегося бытия?

Вы не думали о том, чтобы дифференцировать свое понимание Иного и не отождествлять его так однозначно с «темными силами» технократического мира?

В.А.: Не думал. У кого-то из русских философов, а может у Достоевского (не могу привести сноску, но у нас беседа, а не строго научный текст) есть высказывание, что важно не то, что человек думает сам о себе, а что о нем в вечности думает Бог. Как ограниченный по советскому воспитанию марксист, я это высказывание упрощаю до: важно не то, что мыслитель хотел бы видеть и соответственно своему желанию толкует любое явление, а как содержание этого явления обуславливается бытием, т.е. объективным ходом вещей, Zeitgeist, духом времени, детерминировано будущим. Так вот сейчас Иное — это прежде всего Технос, идущий на смену обществу и экзистенциальному человеку. Иные, «надуманно-возможные» трактовки Иного — это песок в глаза, ученое праздномыслие, которое служит запутыванию стоящих перед человечеством роковых проблем, отвечающее только потребности в непонимании, которую «заказывает» современное общество, чтобы ничего не предпринимать для управления техногенной стихией.

Ю.М.: *Вы предлагаете «сдвинуть» мою проективную идеологию в сторону полионтизма, т.е. «признания множества миров и их коэволюции друг с другом» [1, 174], хотя об этом говорится в моей книге на каждом шагу. Но кто же возражает против такого подхода? Как раз мне он очень близок и понятен. Более того, я использую понятие «плюриверсальность», характеризующее множественность равноценных и разнологичных миров — цивилизаций, культур, групп, индивидуальных жизненных путей и пр. И считаю, что технократический универсализм Запада есть главная опасность на пути цивилизационного развития России. Но трудно доказывать это человеку, который видит во всем постмодернистские игры.*

Так что с философской идеологией, как у Вас, так и у меня все в порядке. Она близка к тому, что Вы называете коэволюционизмом. Но я предпочитаю называть это экологическим подходом. А Вы как к этому относитесь?

В.А.: Полионтизм, модальность, экологизм, ценностно трактуемый антропный принцип, идея реальности всех возможных миров и их коэволюция с приоритетом «нашей реализации» одного из них, его устойчивое, т.е. с сохранением идентичности, а не как можно более быстрой гонки вперед, как извращают экологическую по своей сути идею устойчивого развития и т.д. — это действительно актуальные направления исследований в философии.

Не сводить ее к «научной» и STS, а видеть ее назначение в обосновании и защите жизненного мира человека (насколько знаю, на Западе появился термин «полевая философия»), участвовать в разработке гуманитарных фильтров и ограничений при внедрении технологических новаций, а не быть только их «сопровождением» (обычно всегда оправданием), показывать угрожающую не отдельным людям или нациям, а всему человеческому роду суть трансгуманистической идеологии («геноцида, по-научному»), защищая себя через антропологию и гуманизм, может быть в союзе с религией и другими формами сохранения духовности человека и т.д. Вот, по-моему, направление в котором мы найдем общие точки соприкосновения, если Вы говорите о переходе к экологическому мировоззрению.

Так есть ли шанс у человека-PRO? Возможные версии человека будущего

Ю.М.: Владимир Александрович! Кому не хочется стать умнее и сильнее, приобрести сверхспособности и покорить мир? В названии современных гаджетов часто можно встретить приставку «PRO», которая характеризует их более продвинутой и расширенную версию. Нечто подобное относится и к человеку. Нам не раз приходилось сталкиваться с разными наименованиями человека будущего. Кто и как только его не называет. Постчеловек. Человек-киборг. Технотронный человек. Ноосферный человек.

Имеется много сторонников идеи «расширения» человека. Конечно, я не имею в виду человека-киборга. Но почему бы, например, не выращивать и заменять жизненно важные органы, продлевая тем самым человеческую жизнь. Для меня более привлекательной является модель ноосферного или экологического человека, о чем мы поговорим в самом конце беседы. Но имеются и критики его «технического оснащения» или иного дополнения. К ним как раз относитесь и Вы. Возможна ли для Вас модель «расширенного» человека (человека-PRO) в принципе? Или этот путь Вы отвергаете с самого начала, считая его антигуманным и противоестественным?

В.А.: Завидую, Юрий Михайлович, как Вам удастся совмещать провозглашаемый решительный отказ от трансгуманизма с его идеями об «улучшении» человека с помощью манипуляций геным аппаратом и технических вставок, доводя до «силиконового бессмертия», с призывом к «расширению» человека даже без маскировки соблазном бессмертия? Что тут за диалектика такая? Вы хотите «только немного». Но тогда это не расширение, а «ремонт». Исцеление. Мне говорят, что я за мракобесие, что я, мол, против операций на теле, может и зубы не надо вставлять. Да нет, у меня у самого кость правой руки скреплена штифтом (свалился с полки в поезде), но это доведение до целостности с сохранением идентичности человека или какого-то его органа. А вот дополнительную челюсть или чип мне не надо, вдруг Вам поставят более совершенный и не в руку, а прямо в мозг, «расширив» его так, что Вы и разговаривать со мной не захотите.

Разумеется, здесь все довольно зыбко, грани очень тонкие, но они есть — идентичность сущего человека, которую надо сохранять. Иначе манипуляция без границ, неизвестно на какой «плесени» и «световом коконе» все это остановится. А развиваться и улучшаться человек может духовно, совершенствуясь вместе с развитием общества. Попробуйте, вы никогда не достигнете вершины. Если Вы за такое «расширение», то да, можно согласиться, но лучше не играть этими сомнительными словами. Вы все время «опасно ходите», соскальзывая, ради новизны в то, что как будто бы отрицаете.

Ю.М.: Спор лишь о словах. Конечно, я за такое «расширение», предполагающее ремонт отдельных органов, а не полную техническую переделку. Мне интересны, прежде

всего, такие версии человека-ПРО, которые, сохраняя его биологическую природу и жизненный мир, расширяют вместе с тем его возможности. При этом лично я буду руководствоваться в нашей беседе следующими критериями: (1) сохранение жизни и витальной энергии, как таковых; (2) укрепление потенциала выживаемости человека как *homo sapiens*; (3) умножение и развитие его творческих способностей (креативный рост и духовное восхождение); (4) экологизм как принцип полицентрической организации и сосуществования всего живого, в т.ч. человека. Это то, без чего трудно представить, на мой взгляд, будущее человека. А Вы в свою очередь на что опираетесь?

В.А.: Да, повторюсь, намерения эти благие, их можно только приветствовать, но я не такой доверчивый, чтобы не видеть, что в контексте реально ведущихся во всех «долинах» мира лабораторных работах по «расширению» телесности, особенно мозга, это — чистый трансгуманизм, точнее, трансантропологизм, т.е. «переступание» через человека ради чего-то? Иного, какого-то прочего. Об этом, впрочем, уже говорилось.

Ю.М.: С Вашей точки зрения, мир перестал совпадать с нашим домом [1, 24]. С этим трудно не согласиться. Но этот дом не только для нас, но и для тех, кого мы приручаем, и кто приручает нас. Нас окружает множество живых существ, с которыми мы разделяем общую судьбу. А Вы видите в мире только человека как вершину всей эволюции, отвергая любое Иное и Иных. Но Иные находятся не только среди людей, но и рядом с нами, выступая в образе самых разных существ, в т.ч. домашних животных. Последние не в меньшей мере «делают» нас человеком, чем другие люди. Мир — это наш общий дом бытия. И его антропоцентрическая картина не выражает всего биосоциального многообразия. Поэтому я выступаю за экологизм как принцип полицентрической организации мира, в котором есть место всему живому существу, а не только человеку. А Вы?

В.А.: Никак нет, я не вижу в мире только человека, «отвергая Иное и Иных». Просто я не хочу все запугивать, понимая, что сейчас под Иным имеется ввиду не природа и все живое, включая человека, а тот Технос, который на основе информации, понимая ее как структуру всей материи, реализовался на мертвых планетах. И овладевает нашей. Про экологизм я полностью с Вами согласен.

Ю.М.: Вы упорно связывает Иное с Техносом. Для меня же оно имеет универсальную природу. Это — то, что не реализовано нами, в т.ч. в отношениях с Природой. Человек менее адаптирован к природной среде, чем другие виды. Он не способен так быстро реагировать на изменения окружающей среды, как это делают высокоразвитые животные. А потому остается зачастую в проигрыше. Но за многие сотни тысяч лет человек смог выстроить благодаря культуре защитную стенку, предотвращающую удары, наносимые природой. Теперь же ему остается обратить свой взор к царству Природы, вернуться в ее лоно и гармонизировать отношения с ней. В этом ему может помочь экологически организованный социум плюс экологически безопасные технологии и технические средства.

А каким Вы видите дальнейшее усовершенствование человека, связанное с повышением его адаптируемости?

В.А.: Также как в данном пассаже в своих лучших намерениях видите и Вы: экологически организованный социум и экологически безопасные технические средства. Чтобы строить защитную стенку, предотвращающую удары, наносимые стихийным развитием технологий, особенно когда они провоцируют оскудение природы и катастрофическое изменение климата. Солидаризируюсь.

Ю.М.: Творчество расширяет вселенную человека, и в нем сочетаются элементы развития и становления. Вы полагаете, что человеку «развиваться надо для того, чтобы быть» [1, 21]. Конечно, уж точно не для того, чтобы иметь или не быть вообще. Далее следует утверждение: «Развитие не самоцель, а то, что должно служить Бытию, а не становлению Иного» [1, 24]. И вот здесь мои взгляды с Вашими расходятся. Вы ставите Бытие выше Становления. И Иное Вы понимаете как угрозу существованию человека (мракобесие), а я — как надежду на его возрождение (жизнетворчество). Для меня Иное не противостоит Бытию, а расширяет и дополняет его. Оно связано со Становлением, т.е. с движением по горизонтали, которое не имеет начала и конца. Это движение по сути, а не по форме. А для Вас все сущее исчерпывается развитием, подчиненным в свою очередь Бытию, которое Вы ставите на пьедестал как достаточное и предельное основание всего сущего. С моей же точки зрения, развитие ведет в тупик, прорастая внутрь человека и общества технологиями обезчелочения.

Как же нам быть? Может, договоримся о толковании Иного и попытаемся увидеть в нем творческое начало? Или для Вас это принципиальное разногласие?

В.А.: Про Иное я уже высказался. Почти все слова в словарях имеют несколько значений, и чтобы не впасть в праздномыслие, надо чувствовать какое из них актуально. Я чувствую что современная тяга к Иному и толки о нем ничего хорошего нам не сулят. Это — дудка крысолова, играя на которой он ведет нас от Бытия через Становление к Ничто. Первыми жертвами этого процесса являются пользователи технических систем, ограниченные в своем мышлении узкими рамками специализации. Носители так называемого «цифрового слабоумия», постепенно захватывающего все общество, работающие под лозунгом: Shut up and calculate (заткнись и вычисляй). Пассивность, одиночество и буквально реализующееся в дистантности психологическое отчуждение, разнообразный транссексуализм, политкорректное лицемерие и прочий «толпоэлитаризм». Злые критики называют его фашизмом, но, по моему, это не название, а обзывание, идейно-содержательного совпадения здесь нет. Я предпочитаю говорить о складывающейся в Техносе (и здесь в авангарде Запад) социальной норме жизни и благословляющей ее «новой этике» как о наступлении духовного фашизма.

Происходящее насаждение электронно-небытийного образования — не произвол и выражение личной тупости чиновников, за ними скрываются объективные закономерности прогресса, захватывающего людей сначала как материал, делая из них поколение мутантов, а потом замещая их вообще. Возникает культура зомби, новая разновидность людей, для которых в англоязычной литературе появился термин — «undead». Не мертвые, но и не живые. Как вирусы. Так теперь их лучше и называть. Мировая биовирусная эпидемия внутренне связана со стихийным процессом бездумно внедряемых инноваций. Вкупе с индустрией вакцинации «всех от всего», провоцирующая иммунную систему человека нападать на свой же организм, и инженерными манипуляциями геномом, она сама — инновация. Одна из наиболее опасных.

Прогрессивно глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливы только непониманием того, что делается. Само роет себе могилу, радуясь, что делает это по заказу Большого брата и высокотехнологичными методами.

Ю.М.: Владимир Александрович! Мне кажется, что Вы преувеличиваете технократическую угрозу. Вам известны разные проекты «улучшения» человека, в т.ч. концепции теософии и антропокосмизма, трансгуманизма и др. Так, например, последняя настаива-

ет на необходимости технического «усовершенствования» человека (искусственные органы, технологии генетического допинга, экзоскелеты, нейрокибернетические интерфейсы и пр.). Как известно, трансгуманисты не исключают изменение не только тела, но и сознания человека. В конце концов, человек теряет свою антропологическую форму и перестает быть человеком в традиционном смысле, становится виртуальным существом. Заменой тела могут стать «полевые трансформации материи», которые будут контролироваться сознанием, и т.д. Да и сам человеческий мозг со временем перестанет быть органическим и получит новый носитель.

Технотронному подходу противостоит не только ноосферизм, но и масса других теорий. Так, согласно ноосферной концепции, сознание человека будет развиваться в сторону расширения психологических возможностей вместе с укреплением биологической формы. Но принципиально антропологический облик не поменяется. Но есть и другие позиции, о которых мы также поговорим. Я предлагаю, например, экофилософский подход к исследованию и преобразованию среды человеческого существования.

Каково же Ваше отношение ко всем этим подходам?

В.А.: Вас, Юрий Михайлович, соблазняет «расширение психологических возможностей человека в контексте ноосферной концепции сознания», которая будто бы противостоит технотронному подходу. То есть манипуляция сознанием вроде бы без трансгуманистических манипуляций телесностью: «принципиально антропологический облик не поменяется». По-моему, хрен редьки не слаще. Давайте попробуем...

Парадокс нашей цивилизации в том, что в своем техническом преобразовании мира она зашла так далеко, что все больше ее членов-носителей могут позволить себе ничего не только не делать, но не знать и не помнить. Возникает чаемый вами (уже!) феномен расширенного сознания, когда, если вы подсоединены к компьютеру, то знаете несравненно больше, «шире», чем может знать самый талантливый и много учившийся человек, включая обучающего вас, если он, в свою очередь не имеет подобного же на(морд)мозгника. «Яндекс есть — ума не надо!» Это не просто ироническая фраза. Это коварная диалектика технических достижений человечества в любой деятельности, особенно в образовании.

В самом деле, зачем что-либо знать и помнить, если в мгновение, одним нажатием кнопки, а потом голосом или просто помышлением любое знание можно извлечь из Сети. Какое громадное приобретение — знание всего мира и какая огромная потеря — Себя. Признайте, что по все большим и большим параметрам, людям все меньше и меньше нужна сначала физическая, а с созданием Искусственного интеллекта, и умственная сила. Их знание. Их образование как способ овладения знанием. Все реформы образования в скрытом виде питаются этими тенденциями. Оно теряет трудовой, личностный, смысловой и творческий характер, заменяясь играми и программированием, притом особого рода, направленными на непрерывное взаимодействие с вычислительной техникой, на его конвергенцию (слияние) с ней. Конкретно это происходит (каждый «образованец» видит, использует) посредством онлайн приспособлений и приставок — смартфонов, чипов, очков дополненной реальности и пр.

Римляне говорили: *tantum scimus quantum memoria tenemus* («знаем столько, сколько удерживаем в памяти»). Так вот нет — теперь люди могут знать, даже если ничего не знают и не помнят. Знать все — и ничего. Подобно тому, как физически малосильный или вовсе бессильный человек, нажав на кнопку, может поднять многотонный груз, или неспособный своими ногами пройти 3-4 метра, проносится с ог-

ромной скоростью сотни километров, так мало или совсем не обладающий силой знания человек может оперировать огромными массивами информации, получая нужные ему результаты. Но ему ли? Ибо самостоятельно, творчески и действительно в собственных целях люди мыслить уже не (с)могут, и чем дальше, тем больше они будут только комбинировать информацию или программы будут делать за них и это. Без напряжения мысли, памяти, субъектно и личностно знать и что-то создавать невозможно. Но именно эти способности умяляются как ненужные. На базе этого нового «постсознания» возникает «улучшенный», посткреативный человек (психологическое определение «after-постмодернистского» типа личности).

«Расширенное сознание» – это (co)-знание индивидуально потерянное, растворившееся в виртуальном пространстве, ставшее каплей, минимальной единицей, «узлом» мирового информационного океана. И не больше. К тому же – неизвестно чьим. Даже хромым, идущий по дороге, обгонит всадника, скачущего по бездорожью – подчеркивал Ф. Бэкон роль метода. Но он не знал, что их всех обгонит машина или самолет, независимо от состояния дороги. Теперь, перефразируя великого методолога, можно сказать, что даже знающий только арифметику не дальше таблицы умножения, «расширив сознание», обсчитает самого изошренного математика, а их обоих оставит не у дел компьютер. Но отделенный от машины, человек утрачивает свои мыслительные способности: знания, память, волю, все, что ими обусловлено. Он становится паразитом в форме вируса, который сам по себе мертвый и оживает только в соответствующей, в данном случае, компьютерной среде.

Понятие расширенного сознания маскирует процесс его сужения до отсутствия, превращения в «ничто». Техногенное возвышение и, как следствие, низведение субъектно и творчески мыслящего человека до статуса паразита – это процесс самоотрицания, его подготовка к замещению, что естественно, Искусственным интеллектом. «Цифровизация есть процесс передачи выработки и принятия решений от людей к компьютеру» – ничтоже сумняшеся в ее благе для судеб людей скажет вам любой эксперт по ИТМ. Происходящий сейчас перевод деятельности в on-line является расчисткой места, начальной стадией туда направленного процесса. Таково коварство перерастания человеческого знания-силы в техногенную сверхсилу и – человеческое бессилие. Перверсивная диалектика господина и раба по/на пути Homo vitae sapiens в состояние(и) эвтанизии, если он не будет пытаться им управлять.

Ю.М.: Предлагаю обсудить вкратце позитивные версии человека-PRO, если таковые для Вас существуют. А то, почитав Вас и Ваши прогнозы, хочется подалее бежать от всех этих технобесов. Все изображается в мрачных тонах. Приводятся уродливые лики технократической действительности, в т.ч. люди поедающие тела друг друга и самих себя, мутанты, техноиды и робообразные существа. Все они относятся к существам, роющим могилу живому человеку.

Я, как и Вы, согласен с тем, что теория коэволюции, признающая существование и самоценность всех наличных форм бытия, открывает новый путь к возвышению жизни. Но это не единственный ответ на технократическую и бионическую революцию, которая завоевывает все больше сторонников. Необходимо создать систему экологических координат в знаниях и практиках, которая позволит открыть новую эру революции жизни на Земле. Согласны ли Вы с таким подходом?

В.А.: Ну какие позитивные версии Человека-PRO я могу обсуждать, если я уже о(б)судил негативные. Опровергнуть их, эту логику реально идущего расширения как

ликвидации трудно, и мои оппоненты либо впадают в гнев (сейчас почему-то мало откликов, а раньше я получал сполна: консерватор, реакционер, дебил, идиот, контра...), либо говорят: слишком мрачно, пессимизм, т.е. «сделайте нам красиво». И вот эти ноосферные фантазии в духе К.Э. Циолковского и книги Ивана Ефремова «Лезвие бритвы» — ими увлекаются почтенные и уважаемые ученые, философы, многих из этих пастырей человечества я знаю, но не буду называть. Волки у них сыты, но природные овцы через окна Овертона все время убавляются — под темной завесой из светлых слов и благонамеренных понятий. (В отличие от Циолковского, который по-честному предлагал живые существа как несовершенный род сущего в будущей ноосфере уничтожать). Я же хочу сторожить овец и спускаю собак, если вижу им угрозу. Хотя с некоторыми, упорно желающими пасти волков и овец в одном стаде, по мере возможности, вступаю в диалог.

Ю.М.: *Спасибо за снисходительность. Но я не хочу пускать волков в отару овец. Человек будущего может обладать сверхспособностями, а может и вовсе не иметь их. В своих трудах Вы призываете оставить человеку его биологическую форму, а также отказаться от уродующих его природу технологий. Согласен. Нам не нужны техноиды и бионические существа. Но человек может умножить свою сущность мощью всех технологий, которые когда-либо создало человечество, стать, к примеру, ноосферным человеком. А это — экологический человек, способный гармонизировать свое бытие и отношения с окружающей средой. «Закон гармонии есть отражение процесса стягивания ограниченного разнообразия в единство как целостность. Поэтому гармония есть другое выражение креативного бытия мироздания. Она отражает его подчиненность действию закона разнообразия. Иными словами, гармония есть форма проявления здоровья любой целостности» (см. прим. 1).*

А как Вы, Владимир Александрович, видите человека-PRO?

В.А.: Увы, как Вы, Юрий Михайлович, убедились, я не романтик. Представление о ноосфере, как о сфере, где все устроится по законам разума, гармонии и блага было простительно, когда научно-техническая революция только начиналась. Оно было созвучно вере в коммунизм, где тоже все так строится. В это верили и великие ученые, и великие политические деятели. Теперь, когда ноосфера реализуется как техносфера и вместо этих утопий возникают антиутопии, про которые все читали, ими пугали, а теперь стараются об этом не вспоминать. Слишком некрасивая близость с тем, что сейчас происходит на наших широко закрытых глазах видениями и мечтами про виртуальные реки в цифровых берегах, текущие с Земли в Космос. Для человека — в Никуда. Вот почему я вижу *Человека-PRO* как *Человека-CONTRA*.

И защищаю, «борюсь за» исторического, традиционного, обыкновенного, телесно-духовного *Homo vitae sapiens*, каким мы сейчас являемся. Не хочу ни возврата в первобытное состояние, ни быть материалом (удобрением) для будущего техносферного трансгуманистического постчеловека. Как почти любой индивид, кто не самоубийца, зная траекторию своей судьбы, не стремится вернуться в детство, или не топчется к своему печальному концу, а живет вопреки объективным тенденциям как свободное духовное существо, продолжая мужественно бороться за себя на этой Земле и никуда не расширяясь, т.е. живя без чипов в голове, третьей ноги и любого второго члена. На ее теплой и живой поверхности. Уверен, Вы — тоже. Логично, если вы будете мыслить про человека аналогичным образом *in toto*, в совокупности, чтобы сохранить себя как человечество — это уникальное явление в бесконечной Вселенной.

Ю.М.: Спасибо, Владимир Александрович, что Вы продолжаете защищать свою позицию и предоставляете мне возможность отстаивать свою. Много из того, что Вы утверждаете, близко и мне. Однако я не уверен в трагическом подтверждении поставленного Вами диагноза. Есть еще надежда, что человечество образумится и не пойдёт по губительному для себя пути. Жизнь редко развивается крайностями. Уверен, что будет нечто «среднее» между экологическим раем и технократическим адом. Так что моему визави, как и мне, остаётся только содействовать тому, чтобы Экос обуздал, в конце концов, Технос. Возможно, в результате коэволюции появится Экотехнос или Техноэкос. В любом случае без такого симбиоза нам уже не обойтись. Слишком сильны тенденции наступления эры пост- или контр-человека, которые фиксирует В.А. Кутырев, чтобы рассчитывать на быстротечную победу. Тем более, что сторонники экологического подхода в науке и политике пока находятся в меньшинстве. Нам нужна «новая естественность» (термин А.А. Пелипенко), которая возникнет вопреки технократическому давлению на реального человека. Но возможность её появления на авансцене истории требует отдельного обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Человечество и Технос: философия коэволюции. — СПб.: Алетейя, 2020. — 260 с.
2. Кутырев В.А. О гуманитарном проектировании и новой модели человека (размышления над книгой Ю.М. Резника) // Личность. Культура. Общество. — 2017. — Т. XIX. — Вып. 1-2 (№№ 93-94). — С. 243-251.
3. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного. — М.: Канон+, 2017. — 632 с.
4. Резник Ю.М. К экологии жизненного мира человека // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: Коллективная монография / Отв. ред. И.К. Лисеев. — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — С. 47-62.
5. Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Том XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / Под ред. Ю.М. Резника. — М.: НИГО, 2020. — С. 17-120.

BIBLIOGRAPHY

1. Kutyrev V.A., Slyusarev V.V., Khusyainov T.M. Chelovechestvo i Tekhnos: filosofiya koevolyutsii. — SPb.: Aleteiya, 2020. — 260 s.
2. Kutyrev V.A. O gumanitarnom PROektirovanii i novoi modeli cheloveka (razmyshleniya nad knigoi Yu.M. Reznika) // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2017. Tom XIX. Vyp. 1-2 (№№ 93-94). — S. 243-251.
3. Reznik Yu.M. Fenomenologiya cheloveka: bytie vozmozhnogo. — M.: Kanon+, 2017. — 632 s.
4. Reznik Yu.M. K ekologii zhiznennogo mira cheloveka // Filosofiya sotsioprirodnogo vzaimodeistviya v vek konvergentnykh tekhnologii: Kollektivnaya monografiya / Otv. red. I.K. Liseev. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. — S. 47-62.
5. Reznik Yu.M. Obrazy tsivilizatsionnogo budushchego Rossii: ot del'nye PROekty i vozmozhnosti ikh integratsii // Vo PROsy sotsial'noi teorii. Nauchnyi al'manakh. Tom XII. 2020. Rossiya kak tsivilizatsiya budushchego / Pod red. Yu.M. Reznika. — M.: NIGO, 2020. — S. 17-120.

Примечания:

1. См.: <https://fil.wikireading.ru/16621> (дата обращения: 08.04.2021).

Поступила в редакцию 29.05. 2021 г. (№ 2445)